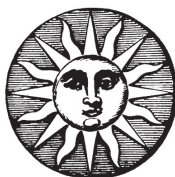

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ альманах

№ 2

2020

Литтературный альманах

№ II - 2020

Содержание

К читателям	1
ПОЭЗИЯ	
Алла Сперанская	3
Александр Ситников	6
Софья Трещева	7
ПРОЗА	
Мария Кудрявцева	9
Анар Азер оглы Ахмедов	16
Анастасия Жалий	17
РЕЦЕНЗИИ И СТАТЬИ	
Ольга Коркина	23
Екатерина Попова	31
ИТОГОВОЕ СОЧИНЕНИЕ - Plus Ultra	
Кирилл Васильев	37
Для связи	41

Дорогие читатели!

Перед вами второй номер Литтературного* альманаха Гильдии словесников. Он составлен из стихов, прозы и статей, написанных школьниками разного возраста, но все эти произведения, по мнению рецензентов, достойны внимания самых требовательных читателей. Кроме этих традиционных разделов, во втором номере появился еще один – «Итоговое сочинение – plus ultra». И это не подготовка к экзамену, и не собрание образцовых сочинений. Чему будет посвящен этот раздел, читайте в специальном предисловии.

Мы благодарим учителей, приславших столько интересных текстов, - материалы есть на несколько номеров вперед. Мы надеемся, что публикации этого выпуска покажутся интересными и подтолкнут кого-то еще из школьников к литературному творчеству. Мы почти уверены, что через несколько лет произведения наших авторов будут напечатаны на страницах «взрослых» литературных изданий.

*** Две буквы «т» в названии нашего альманаха не случайны. Именно так, с удвоением в этом слове, печатался «СОВРЕМЕННОСТЬ», литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным». Все тексты этого журнала отличало прежде всего высокое художественное качество; таким будет принцип отбора произведений и для нашего альманаха.**

Распространять «Литературный альманах» можно бесплатно и свободно в виде PDF-файла. Конечно же, для авторов будет подготовлена и бумажная версия, которую напечатаем небольшим тиражом. Все расходы, связанные с изданием, обеспечиваются из средств Президентского гранта, полученного Гильдией Словесников.

ПОЭЗИЯ

Алла Сперанская

Москва, школа 1561

Чудо, или Воскрешение дочери Иаира

В двенадцать лет я знала, что умру.
Сначала — страшно. Но нашла смирение.
Болезнь легко сковала мою грудь,
В великих муках я ждала вознаграждения:

Я не успела совершить греха.
Чиста, как слёзы и вода святая.
Я знала: не найти мне жениха,
Не вырастить детей; что я растаю.

Я корчилась от боли сорок дней —
Отец ушёл, стремясь найти лекарство.
Но я смирилась, я была мудрей,
Небесное я представляла Царство.

Я бредила — и видела Его,
Я бредила — и все вокруг рыдали.
Я бредила — и бесконечный вой
Людей вокруг, которые дышали.

Я не дышала. Предо мною тьма.
Я и себя не чувствовала больше.
Уйти из мира — будто задремать,
Только подольше, бесконечно дольше...

И тут — прикосновение руки
И голос тихий, властный и спокойный.
И надо мной не тьма, но потолки.
И здорова, но миру чужеродна.

И он уходит. Плачет мать, отец,
А я стою, простая часть сюжета.
Я думала, я чужала конец —
Смерть рядом, точно знаю, близко где-то!

Как будто не было. Всё снова хорошо.
Но я же точно знаю: умирала!
И он ушёл — коснулся и ушёл,
Как будто я уже страдала мало,

Как будто бы страдания не важны,
Как будто бы мне снова — встать и прыгать!
Я знаю смерть, зачем мне ваша жизнь?
Я так ждала решающего мига,

Когда уходит режущая боль,
Когда я Там... Во что теперь мне верить?
Там ничего! Во что, сказать изволь?
Они все рады, счастливы без меры:

“Свершилось чудо!”
Чудо... Это я.
Я радость, а не горе и потеря.
Не сказка про Богов и Рай, а явь.
И я в себя — и только! — буду верить.

Кафе «Забродившая Собака» в кабинете литературы на последнем уроке какой-то школы

Я не хотела зачитывать призраков.
Я предпочла бы их рядом, живых,
Ещё не знакомых, и близко не признанных,
Задорно-неправильно молодых,

В расписанных стенах ютящихся к сцене,
И облако — смерти, свободы, стихов!..
С восторгом идеи, с их пьяным весельем,
С непониманием ждущих веков —

Обжёгшая смертность, прожжённая память,
Орава учебников, полчища книг...
Не знающих, как мы сейчас разбираем
Их каждое слово, поступок и миг.

Не всех, очевидно, возможно, не самых
Порой заслуживших истории звук.
Но мы не узнаем — они на бумаге,
Живые же рядом, все вместе, вокруг.

Известно их прошлое, бессмертно будущее,
Но настоящее спрятано в нас.

«Живые не-гении, хватит, послушаем!
Тише!»

— Свои прочитаю сейчас.

Александр Ситников
город Салават, 7-я школа

Отсыпь мне своего оптимизма.
Я смотрю, у тебя его много.
Я хочу посмотреть через призму
Этих пошлых цветастых разломов.

На эту однотонную серость,
Что окажется игрою красок.
И, кто знает, вдруг, вся эта мерзость
Растворится, исчезнет в алмазах.

В твоих руках моё спасение.
Мне неловко об этом просить,
Но прошу тебя, хоть на мгновение,
Дай мне свой оптимизм поносить.

Софья Трещева

Москва, школа 1534

Здесь чёрный огонь и красные реки.
Имена убитых забыты навеки.
Здесь люди, как скот, идут на убой,
Здесь люди дерутся между собой.

Зачем я здесь? Зачем мне смерти?
Мой дом далеко, а дома дети.
Я никому ничего не должен.
Но люди дерутся, и я тоже...

Зачем мне пожар? Зачем я их жгу?!

Ведь я и без этого жить могу!
Они ничего не сделали мне,
Ни мне, ни семье, ни стране...

А может, уйти, оружие бросив?
Все скажут: «Ты трус», никто не спросит:
«Зачем ты их бил, жёг и рубил?»
Зачем их свободную жизнь погубил?»

А пули свистят над головой...
Я если умру, умру, как герой...
Не как герой, а как крокодил,
Который тыщу людей загубил!

Зачем мне пожар, зачем я их жгу?
Ведь я и без этого жить могу!
Ведь я никому ничего не должен!..

Но люди дерутся, и я тоже...

ПРОЗА

Мария Кудрявцева

Подольск, школа № 17

Во что веришь, то и есть

На своем журналистском веку повидал я немало разных интересных мест, встречался с очень необычными людьми, но поездка, выпавшая мне в январе 2019 года, запомнится надолго...

Сразу после новогодних праздников вызвал меня к себе главный редактор и заявил, что нашему скромному городскому журналу явно не хватает интересных статей из культурной жизни.

- Ну, и где будем искать интересные события из культурной жизни? – с усмешкой спросил я, намекая на бедную на развлечения провинциальную жизнь.

- А вот этим ты и займись! Ты же у нас опытный журналист,
- в ответ сыронизировал главред.

Вернувшись домой, я застал своего сына за чтением толстой книжки Павла Бажова.

- Откуда такая любовь к чтению, Сереж? – спросил я сына.

- В школе задали... У Бажова юбилей, - горько буркнул мой пятиклассник (читать книги он не любил).

Потрепав сына по голове, я сел к ноутбуку в поисках «интересных событий из культурной жизни». Вдруг меня осенило, и я быстро вбил в поисковую строку «Бажов юбилей». Углубившись в чтение сетевых статей, я постепенно стал понимать, что со словами Бажова не все так однозначно. Многие интернет-авторы спорили: одни говорили, что Бажов собрал уникальный уральский фольклор, другие уверяли, что Бажов вынужден был сочинить сказы, так как никакого особого уральского фольклора не существует. «Чем не тема для статьи?» - подумал я и тут же позвонил главреду.

- Добро! Только недолго раскачивайся, даю три, максимум четыре дня. У нас номер горит! – спешно ответил главный и повесил

трубку. «Уложимся!» - решил я и...на следующий день вылетел в Екатеринбург.

Ранним утром я приземлился в аэропорту Екатеринбурга. Зевая и поевиваясь (как назло, в январе резко ударили морозы), я быстро вошел в здание аэропорта и первым делом уточнил в интернете адрес дома Бажова в Екатеринбурге. Уже к десяти часам утра я был у дверей мемориального дома П.П. Бажова по улице Чапаева, дом 11. Смотритель музея будничным голосом согласилась рассказать мне о музее. К сожалению, ничего необычного в ее рассказе не было, эту информацию я прочел еще в Москве. И я решился на провокацию:

- Скажите, а правда, что все сказы Бажов сочинил сам?

- По одной из версий, Павел Петрович много общался со сторожем заводского склада Василием Хмелиным. И уже на основе его историй написал свои сказы, - без тени удивления ответила смотритель.

- А остальные герои тоже существовали в реальности? – продолжал допытываться я.

- Вряд ли, скорее, это собирательные образы, - чуть усмехнувшись, ответила смотритель. – Но, если вы хотите больше проникнуться местным фольклором, отправляйтесь в Полевской, там тоже есть музей Павла Петровича.

Попрощавшись с мемориальным домом Бажова, я решил отправиться в этот самый Полевской. Оказалось, что Полевской располагается рядом с Екатеринбургом, в полутора часах езды на автобусе. Добрался я туда быстро, но музей уже оказался закрыт, и мне нужно было где-то переночевать. Дело было к ночи, мороз усиливался, а мой ноутбук совсем отказывался искать адрес ближайшей гостиницы. Промучившись с техникой, я понял, что ночлег нужно искать по старинке: спрашивать прохожих. На улицах было малоллюдно, и я обратился к первой попавшейся мне женщине.

- Ой, вам переночевать нужно? Так у меня комната пустует. Пойдемте! - удивительно быстро предложила мне местная жительница.

Я согласился не раздумывая, так как чувствовал, что начинаю замерзать.

Пока мы шагали к моему ночлегу, я выяснил, что женщину зовут Анастасией, живет она в старом доме со свекром, дедом Василием. Был у Насти и муж Степан, да погиб он на руднике во время завала. Есть у Насти дочь Танюшка, учится в Екатеринбурге в Уральском техникуме на камнереза. А сама Настя работала на заводе, да надорвала спину и теперь перебивается временными заработками. Так за разговорами мы дошли до ночлега.

Дом Насти оказался старым, но добротным – настоящий уральский дом.

- Это дом родовой, семьи моего Степана. Его еще дед Степы строил, - опередила мой вопрос Настя.

Обстучав снег с ног в сенях и раздевшись, мы вошли в комнату. При тусклой электрической лампочке за столом читал газету старичок.

- Здравствуй, дед Василий! А я нам постояльца нашла! Недорого, но обещал заплатить сразу, - бойко выпалила Настя, подмигивая мне.

- Здорово, мил-человек! Из каких краев к нам? – обратился ко мне старичок, приспустив очки с носа.

- Из самой Москвы, дедушка. Про Бажова писать хочу, - степенно ответил я.

Дед водрузил очки обратно на нос и пристально посмотрел на меня.

- Слышь-ко! Про Бажова...Многие про него пишут, да не многие правду знают, - пробормотал дед.

Пока Настя спешно собирала на стол ужин, я сидел на другом конце стола и разглядывал деда Василия. Это был очень пожилой человек, в старой клетчатой рубашке, теплых, с начесом, штанах и подшитых валенках. Старик был полностью седой, волосы вились около ушей и на лбу (дед явно не любил парикмахеров). Седая борода клинышком ложилась на распахнутый ворот рубашки. Дед в молодости, вероятно, был крепким человеком, крупные, натруженные кисти рук выдавали в нем рабочего человека.

Мы скромно поужинали, и Настя ушла в соседнюю комнату стелить мне постель. Дед Василий пару раз вскидывал на меня глаза,

но продолжал молча изучать газету. Настя пожелала мне спокойной ночи, да и сам я уже мечтал вытянуться на кровати, как вдруг дед Василий остановил меня со словами:

- Слышь-ко, мил человек? А что ты про Бажова писать собрался?

Я немного оторопел. Я сел за стол рядом с дедом и поведал ему о своем желании поставить точку в вопросе истинности сказов Бажова: выдумка они или же художественный рассказ о реальных событиях.

Дед задумался, погладил бороду, поправил на носу очки:

- Искать правду завсегда хорошо. Только она может сильно удивить человека. Готов ли ты, мил-человек, удивляться?

- Готов! - бодро ответил я, при этом ощутив холодок по спине.

- Ну, слушай!

Дед Василий стал неспешно рассказывать мне об истории Полевского, о Сысертских заводах, о мастерах-камнерезах и начальниках-самодурах, о красоте и богатстве уральского края. Под дедов рассказ я даже начал засыпать, как вдруг во мне проснулся журналист:

- Это все хорошо, дед Василий, но мне нужны факты! А такие рассказы я и в музее уже слышал.

Дед Василий вскинул свои седые брови и даже слегка их нахмурил. Шлепнув ладонью по столу, дед произнес:

- Ну, что ж! Будут тебе факты.

С этими словами старик прошаркал валенками до своей кровати со множеством подушек под ажурной накидкой. Покопавшись у самой стены, дед вытащил сверток в холщовом мешке. Вернувшись к столу, дед Василий торжественно положил сверток на стол и стал неспешно его разворачивать. Из мешка появился некий предмет, завернутый в несколько слоев местной газеты. Когда оставался последний слой обертки, старик с гордостью вынул и показал мне небольшую рамку с фотокарточкой. Я принял портрет из рук старика и рассмотрел: это была фотография девушки, еще совсем подростка, черноволосая и зеленоглазая красавица хитро улыбалась мне.

- Красивая!- сказал я деду. - Но какое отношение это имеет к вашему рассказу?

Дед аж взметнулся после моих слов:

- Да как какое? Ты посмотри внимательно, это ж вылитая Танюшка из «Малахитовой шкатулки»!

- В те времена фотографию еще не изобрели, уважаемый, - решил я разоблачить старика.

- Да уж знаю я, мил-человек! Это фотография моей внучки Тани, дочки Степана покойного и Насти.

- И что? - не сдавался я.

- Как что? Похожи ведь! Значит, такие, как Танюшка у Бажова, взаправду существуют.

Тут уж я рассмеялся окончательно:

- Дедушка, милый! Так Россия всегда красивыми девушками славилась. А Урал так особенно. Причем тут Бажов?

- Хорошо, - посуровел дед. - Смотри сюда!

С этими словами старик до конца развернул таинственный сверток.

На столе оказалась настоящая малахитовая шкатулка, с красивыми витиеватыми каменными узорами и медным отблеском. По всему камень был настоящий, старинный. Дед Василий не спеша открыл шкатулку и повернул ее ко мне. Внутри лежали украшения из малахита: настоящий женский прибор, как называли местные, - кольца, серьги, бусы и «протча по женскому обряду», как писал в своих сказах Бажов. Я аккуратно вынимал каждый предмет и раскладывал на столе – казалось, что вся комната наполнилась сочным зеленым светом. На самом дне шкатулки я нашел несколько зеленых малахитовых зернышек и круглых, отшлифованных плашек. Я молча рассматривал эти богатства.

- Ну? - довольно заговорил дед Василий. - Доказал я тебе, что Бажов правду писал?

Я ответил не сразу.

- Хорошо. Глупо не верить в настоящее мастерство уральских камнерезов. И «прибор» этот могли в честь сказов Бажова вырезать. Но это не доказывает подлинность событий тех лет.

- Слышь-ко, недоверчивый! – взвился дед Василий. – Каких еще тебе доказательств? Танюшка моя вылитая, как в сказе, на камнереза учится. Сын Степан, царствие небесное, на руднике сгинул, настоящий резчик по малахиту был. Невестку Настей зовут. Я сам полжизни на заводском складе сторожем отработал. И шкатулку эту в нашем роду по мужской линии с давних времен передают от отца к сыну. Только вот беда со Степкой случилась, и шкатулка ко мне вернулась – нет у меня внуков, кому передавать? Прервется теперь род Хмелининых...

Дед Василий печально опустил на стул. А я судорожно стал увязывать воедино услышанное. «Это что же получается? Передо мной потомок того самого Хмелинина, деда Слышко? Бред какой-то! Так не бывает! Что остается делать одинокому старику, потерявшему сына? Предаваться мечтам. Красиво же получается. Но откуда у него такая старинная шкатулка с очень похожими на сказочные украшениями?» – такие мысли кружились у меня в голове.

Я не заметил, как дед Василий тихо улегся на кровать и повернулся лицом к стене: разговаривать он больше не хотел. Я старательно сложил малахитовое богатство в шкатулку, завернул ее в газету. Еще раз взглянул на веселое лицо Танюшки и сложил все в мешок. Даже лежа на кровати, я продолжал размышлять об услышанном и задремал лишь под самое утро.

Проснувшись, я не застал Насти в доме: она уже убежала на очередную работу. На столе меня ждал нехитрый завтрак. Деда Василия тоже дома не было. Позавтракав, я собрал сумку и оставил на столе плату за ночлег больше, чем мы договорились.

Выйдя на крыльцо, я увидел деда, сидящего на скамейке. На дворе было солнечно, но морозно, а дед будто не замечал холода. Поравнявшись с дедом Василием, я хотел его поблагодарить за жилье и рассказ, но старик опередил меня:

- Слышь-ко, мил-человек! Воля твоя, верить или не верить. Статью пиши, но про меня не говори. Пришлешь сюда репортеров и телевизионщиков, я от них спрячусь – ничего им не узнать. Если мне не веришь, то пока до своей Москвы доберешься, внимательно примечай вокруг.

С этими словами дед Василий скрылся в доме.

Сказать, что я глубоко размышлял всю дорогу, - ничего не сказать. Наверно, так же задумчиво я сел бы в автобус до Екатеринбурга, если бы не одно обстоятельство. Остановка на автовокзале была конечная, из автобуса высаживали всех пассажиров, прежде чем впустить новых. Последней из автобуса вышла женщина, задев меня рукой. Толчок был ощутимый, и я подумал: «Будто камнем попали». Оглянувшись на вышедшую женщину, я оторопел: это была женщина небольшого роста, стройная да ладная, в красивом зеленом пальто и русском платке с узорами. И там, где заканчивался платок, выглядывала ссиза-черная коса, будто прилипшая к спине. «На конце ленты не то красные, не то зеленые», - вспомнил я строчки сказа Бажова. Тряхнув головой, я быстро сел в автобус.

За всю дорогу до Москвы я не написал ни строчки – крепко спал. Дома я взял у сына книгу сказов Бажова, еще раз перечел «Малахитовую шкатулку» и «Медной горы Хозяйку» и принял решение: я ничего не расскажу в своей статье о деде Василии, его семье и старинном богатстве. Пусть все думают, что сказы Бажова – плод воображения писателя. Во что веришь, то и есть.

Птица-лира и необычное настроение

Жил-был мальчик по имени Вася. Почему-то никто не хотел с ним дружить. Он был постоянно недоволен. Родители купили билет в Австралию. Он сказал:

- Что я не видел в этой вашей Австралии?

Но всё равно полетел. Когда он добрался до другого материка, то стал смотреть направо, налево, делая вид, что ему неинтересно. Он пошёл гулять. И вдруг услышал такое красивое пение, что аж дух захватило. Тут пришёл экскурсовод и повёл их к птице-лире. Но пение птицы-лиры вдруг изменилось на пение кукабары. Когда птица-лира закончила выводить мелодию, то все услышали настоящее пение кукабары. Экскурсовод рассказал, что птица-лира может подражать более двадцати птичьим голосам. И ещё она умеет повторять другие звуки: фотоаппарата, машины. Вася думал, что если подойдёт к ней, то она улетит. Но и это его не остановило. Он подошёл, и бац... Вася подумал, что птица-лира улетела, но оказалось, что это всего-навсего мотор самолёта. Он поднял голову и увидел птицу-лиру, которая пристально смотрела на него. Он удивился. Она раскрыла свой великолепный хвост, похожий на музыкальный инструмент. Он заметил, что птица-лира такая же, как и он. Когда она увидела людей, то сразу закричала, будто недовольна, что на деревьях нет плодов. Крик стоял ужасный. В эту минуту она потеряла свою музыкальную красоту, перестала привлекать Васю, и он задумался, впервые так серьезно и глубоко. С тех пор Вася стал добрым и никогда не был недоволен. Вася понял, что не надо быть грубым, ведь самая интересная пора - детство. И если ты всегда раздражителен, то ты пропустишь всё веселье и игры, не услышишь мелодию, которая совсем рядом, упустишь что-то самое главное. Детство.

Четвертый билет

Отрывок из дневника обыкновенного мальчишки

20 декабря

Поверить не могу, скоро каникулы! До чего же долго длилась эта четверть! Постоянные домашние задания, контрольные, дополнительные, кисель в столовой... Скорее бы уже Новый год! А второго января мы с родителями наконец-то махнем в Сочи на горнолыжный курорт. Папа обещал, что научит меня съезжать с самых высоких гор, как заправского спортсмена!

Эх, дожить бы еще до конца четверти! Завтра класс украшать к ёлке, а потом еще какая-то общественная работа в областном детском доме. Нас попросили отнести кое-что детям: игрушки, книжки там всякие, сладости – как бы подарки на Новый год. Но почему, почему опять я?! Что, отправить больше некого?

22 декабря

Утром поехали на автобусе в детский дом. Одно хорошо: со мной был мой лучший друг Пашка Ржавый. Хоть поболтать есть с кем.

Мы подъехали к небольшому трехэтажному зданию и сразу высыпали на улицу. Подарим – и к стороне! Но нет, мы еще минут пятнадцать слушали прочувствованную речь местной заведующей о том, какие мы молодцы, как хорошо, что мы помогаем другим, как это правильно и важно. Ох!

Наконец нас разделили на группы, и мы разошлись по разным комнатам. Нам с Пашкой досталась комната №16, большая, светлая, с окнами во двор. В ней жило, как мы поняли, четыре мальчика разного возраста – самому младшему на вид лет шесть, а старшему – около двенадцати. И все они напряженно смотрели на нас. Кто-то пристально, кто-то радостно или заворуженно. Они смотрели не на подарки, а именно на нас...

– Ну... Это... Здравсьте. Мы вам подарки принесли... Вот. С Новым годом, – продекламировал Пашка, и его рыжие волосы стали как будто красными, а веснушки проступили отчетливей. Красноречием он никогда не отличался и сейчас просто превзошел себя.

Мы вручили ребятам пакеты с книгами, конфетами и наборами ЛЕГО. Трое сразу же кинулись смотреть содержимое, а один мальчишка лет восьми даже не открыл пакет, а смотрел на него как-то грустно и задумчиво. Да что ему не нравится?

Я подошел ближе.

– Эй, – позвал я его. – Ты куда смотришь?

Он вздрогнул и поднял голову.

– Прости... Задумался что-то...

Говорил он тихо, но довольно уверенно.

– Всё нормально, – ответил я, – это вот тебе. – Я указал на пакет. – С Новым годом!

Мальчишка неуверенно взял пакет, открыл его и улыбнулся. Но как-то натянуто, как будто кто-то заставлял его быть вежливым.

И вдруг он задал вопрос, который я совсем не ожидал услышать.

– А что такое карусель? Я слышал о ней, мне говорили, она большая, там лошади по кругу бегают, неживые, конечно... Такие правда бывают?

Станный он какой-то.

– Ну, ясное дело, бывают, – ответил я. – В парке их полно.

Мальчишка сразу оживился.

– Ой, а там правда огоньки разноцветные горят? И музыка играет?.. Здорово!

– Да, я сам, когда был маленький, катался на таких.

И тут он наклонил взъерошенную светлую голову набок, посмотрел на меня большими, какими-то тревожными глазами и сказал прежним тихим голосом:

– Знаешь, а я никогда на карусели не катался. Это весело?

– Да, – я немного растерялся.

– А можно меня как-нибудь сводить на карусель? Я очень, очень хочу!

Он протянул мне пакет назад и повторил:

– Пожалуйста, своди меня!.. Мне.. мне ничего не нужно, только карусель посмотреть.

Я же говорю, чудной какой-то. Но что-то мне в нем понравилось. То ли его манера наклонять голову, то ли тихий голос, а может... Да нет, сам не знаю. В любом случае, славный парень. И эта его мечта о карусели... Неужели он и вправду никогда ее вживую не видел?

Уже сидя в автобусе, я задумался: а было ли у него вообще детство? Было ли у него то, что у всех нас? Наверное, нет. И ни у кого из тех детей этого не было: ни прогулок с мамой в парке, ни рыбалки с отцом, ни кафе-мороженого, ни аквапарка в каникулы... Ничего, что так привычно для нас.

Странно, перед поездкой я думал, что мы просто выполним очередную волонтерскую работу на благо общества. А сейчас... Нет, я этого парня не смогу забыть. Может, съездить как-нибудь навестить его? Сводить в парк на аттракционы? А почему бы и нет?! А может...

24 декабря

Вчера поговорил с родителями о том пареньке. Начал издалека. Рассказал, как мы поздравили остальных, как мы с ним познакомились, о его мечте. А потом задал главный вопрос:

– А может, возьмем его к нам?

– Прости, Славик, но боюсь, мы не потянем еще одного ребенка. Он, конечно, очень милый, судя по твоему рассказу, но не думаю, что из этого что-то получится, – развела руками мама.

– Любопытная идея, Ярослав, но твоя мать права: содержать второго ребенка не так-то просто, – ответил папа. – Впрочем, мы подумаем, – добавил он, подмигнув мне. Наверное, просто хотел, чтобы я отстал. Я это понял и ушел в свою комнату. Звонить Пашке.

– Да зачем тебе всё это надо? – протянул тот, услышав мою идею. – У меня есть младший брат, ты знаешь, так мои предки про меня иногда вообще забывают – всё лучшее Сереженьке, всё для него, – он фыркнул. – Короче, делай, что хочешь, но знай: больше

любимчиком, единственным и неповторимым, ты не будешь.

В этот момент я засомневался: а действительно ли мне это так нужно? Живется мне неплохо, друзей много, родители любят... Может, Ржавый прав? Вдруг мама с папой будут уделять мне меньше времени? Забудут про меня? Станут меньше любить? Вообще-то быть единственным и неповторимым не так уж плохо...

25 декабря

Нет, я не передумую. Мне всё равно: пусть родители станут уделять ему всё свободное время, он заслужил это гораздо больше. Каждому нужна семья, люди, которые будут заботиться о нём. И мы должны стать... Нет, не так. Я стану таким человеком.

26 декабря

Сегодня мы с мамой и папой едем в этот самый детдом. Родители обещали поговорить с заведующей, а я повидаю Артёма – так зовут этого мальчика, я узнал.

Когда я вошел в комнату, там был только он – сидел, как и в прошлый раз, перед окном и смотрел во двор.

– Привет! – поздоровался я.

– Ой! Это ты... Привет! А я вспоминал тебя... – он осекся.

Я подошел ближе.

– Всё в окно глядишь? – я запрыгнул на подоконник и пристроился рядом с Артемом. – Вот, пришел в гости. Меня Слава зовут. А тебя Тёма, я знаю.

Я всё говорил, говорил без умолку. Рассказывал о школе, о ёлке, о том, как мы с Пашкой гуляли по парку после уроков, как ездили всей семьей на море... Я болтал, о чем угодно. Просто боялся замолчать – вдруг он расплачется или начнет рассказывать, как ему плохо. Поэтому я то и дело поглядывал на него. Но он даже не хмурился – наоборот, слегка улыбался, изредка кивал, а в глазах блеснул азарт. Тёмка нравился мне всё больше и больше!

Дома мама с папой сказали, что так сразу Тёму взять мы не сможем.

– Уж больно много документов требуют, – пояснила мама.

— Зато, — подмигнул папа, — заведующая отпустила Тёмку с нами на каникулы в Сочи. Как думаешь, в купе поместится еще один человек?

27 декабря

Мы с папой идем покупать четвертый билет. А Пашка предложил завтра сводить Тёмку в парк аттракционов. Надо же показать парню карусели!

Ольга Коркина

Школа «Летово»

Герой — бледное отражение автора или особое виртуальное существо?

*Автор лишь нарисовал дорогу —
герои пойдут по ней уже сами*

Проблема взаимоотношений литературного героя и автора, персонажа и писателя, несомненно, интересна и очень неоднозначна. Попытки ее осознания предпринимались не только литературоведами и философами, в разные эпохи обращавшимися к ее рассмотрению, но и самими писателями.

Кем же приходится друг другу писатель и его персонаж? Можно ли считать героя «бледным отражением автора» или же он «особое виртуальное существо»? Противоречат ли эти тезисы друг другу или нет? Ответы на эти вопросы я нахожу, опираясь на уже имеющийся читательский опыт и навыки литературного анализа.

Представляется очевидным и неоспоримым: литературный герой в любом случае в какой-то мере будет «отражением» автора, поскольку писатель создает этот образ из себя: в нем воплощаются его мысли, индивидуальный опыт, особенности характера, надежды, знания, умения... Что из всего этого и насколько «отразится» в образе героя, думается, будет зависеть от целого ряда факторов, например, от позиции, которую занимает автор по отношению к своему герою.

В прологе к роману «Дон Кихот», опубликованному в начале семнадцатого века, М. де Сервантес Сааведра писал о том, что, являясь «отцом Дон Кихота», ощущает себя его «отчимом», поскольку отлично видит недостатки своего «детища» и не пытается воспрепятствовать читателю делать то же самое. Сервантес сокрушался, что пребывание в унылой темнице не позволило ему

создать книгу, которую можно было бы назвать «верхом красоты, изящества и глубокомыслия», поэтому и персонаж получился несколько странным и несуразным.

А.С. Пушкин в романе «Евгений Онегин» по-свойски называет своего главного героя «добрый мой приятель», демонстрируя по отношению к нему благосклонность и приязнь, давая понять общность социальной среды и круга интересов. Ни Онегин, ни Автор в романе в стихах не являются героями автобиографичными, но, как писал И.В. Гете, «каждый писатель до известной степени изображает в своих сочинениях самого себя, часто даже вопреки своей воле»...

Надо еще учитывать следующее... Даже, например, в автобиографическом произведении автор не передает «модель» или «копию» своей жизненной истории, он ее творчески переосмысливает. Уж насколько получится «бледной» эта написанная история по сравнению с реально пережитой автором жизнью, — об этом, видимо, вправе судить только автор.

Максим Горький, уже будучи зрелым сорокапятилетним человеком и известным писателем, в 1913 году решил вспомнить о том, как проходило его детство, и начал писать автобиографическую трилогию. Автор использовал материал собственной жизни, создавая героя — Алешу, не скрывая того, что повествует о себе и своей семье: так, в 1925 году в письме к А.С. Макаренку он отметил: «Мне хотелось бы, чтобы осенними вечерами колонисты прочитали мое «Детство», из него они увидят, что я совсем такой же человек, каковы они, только с юности умел быть настойчивым в моем желании учиться и не боялся никакого труда. Веровал, что действительно: «учение и труд все перетрут».

Кроме желания учиться, свойственного Горькому с детских лет, автор отразил в своем произведении очень много реальных автобиографических деталей.

Из книги мы узнаем, что родители мальчика Алеши были обвенчаны тайно от семьи невесты, женившись по большой любви. Заслушав отца Варвары угрожал лишить её приданого и очень долго не общался с дочерью. Так было на самом деле.

Отец Алексея Пешкова умер, когда мальчику исполнилось три года, и мать будущего писателя переехала в Нижний Новгород в дом своего отца. С этих событий начинается повесть «Детство».

Характеры деда, бабушки, дядьев Горький воплотил в слове, основываясь на своих воспоминаниях о том, какими были эти люди, какое влияние они оказали на его взросление. Дед воспитывал внука розгами, чтением Псалтыри и рассказами о своей жизни. Несмотря на дедовскую суровость, Алеша чувствовал, что перед ним человек, достойный уважения, много вытерпевший в жизни, многого добившийся, сделавший сам себя. Бабушка Акулина, словно светлый ангел, научила Алешу терпеть невзгоды, быть духовно сильным, не терять доброты в самых трудных жизненных обстоятельствах. Она подарила мальчику мир сказки, притчи, народной песни, танца, пробуждающего все самые светлые стороны в душах окружающих ее людей.

В одиннадцать лет Алексей Пешков стал сиротой и ушел «в люди» — то же самое происходит и с его героем.

Конечно, нельзя не отметить того, что Горький рассказал нам не только о себе. Его повесть — о многих мальчиках, на долю которых выпали испытания в напряженную предреволюционную эпоху, когда принадлежность к социальным «низам» автоматически означала, что борьба «за место под солнцем» будет очень тяжелой, потребует от взрослеющего человека напряжения всех его сущностных сил. Это книга о том, что любые цели достижимы, когда человек верит в возможность изменить свою жизнь к лучшему. Читая повесть Горького, понимаешь, что каждую минуту нужно бороться за возможность полноценного существования, не пасовать перед трудностями и ценить доброту и заботу своих близких.

Получается, что Алеша в повести «Детство» — это и образ автора, и герой, который выразил чаяния своего поколения, и в этом смысле можно говорить о его типичности.

Не надо забывать, что А.М. Горький создал ярчайший литературный образ и описал жизнь и другого «мальчика», Клима Самгина, который принадлежал к совсем иному социальному слою, нежели сам писатель, и сделал это не менее талантливо...

Обычно именно так и происходит с героем автобиографической прозы.

В автобиографической повести «Слова» (1964) Жан-Поль Сартр писал: «В тридцать лет я с успехом проделал лихой фокус: описал в «Тошноте» ... горечь бесцельного, неоправданного существования себе подобных, как будто я сам тут ни при чем. Конечно, я был Рокантемом, без всякого снисхождения я показывал через него ткань моей жизни; но в то же время я был «я», избранник, летописец ада, фотомикроскоп из стекла и стали, нацеленный на мою собственную протоплазматическую жидкость». Это можно трактовать как стремление сохранить бесстрастность разума исследователя с целью обеспечить объективность описания внутреннего мира персонажа на основе анализа собственных переживаний.

Уже в этих примерах литературных произведений, относящихся к различным эпохам, странам, жанрам, направлениям, можно заметить, что авторы позиционируют себя по отношению к своим героям по-разному. Их могут связывать родственные отношения старшего с младшим (Сервантес): «отец» («отчим») — «детище» («сын»); товарищеские (как у Пушкина с Онегиным): «друг», «приятель», которого хорошо понимаешь, с которым можно вступить в диалог; отчужденные, исследовательские (как у Сартра с Рокантемом): «летописец», «фотомикроскоп», рассматривающий свои потаенные черты, а потом отстраненно воплощающий их в характере созданного им образа.

Разумеется, расширив рассматриваемый круг авторов и их литературных произведений, можно найти и другие примеры отношения писателя к своему герою. Писатель — человек искусства, творческий, созидающий, поэтому к тому, что он создает, он испытывает целую палитру чувств, эмоций, переживаний и ощущает с творением тесную взаимосвязь.

Обладая первым писательским опытом, я заметила, что некоторым героям приписываю свои качества, мысли, решения и ситуации, мной пережитые. Мне удобно ставить себя на их место, продумывая их психологию и развивая сюжет. Я написала роман о творческом и нравственном становлении юноши-художника. Мой

главный герой, Человек в черной толстовке, поглощен поисками путей совершенствования своей души: ищет себя, обрастает знакомствами, впервые влюбляется, пробует новые формы в искусстве, разочаровывается в людях, от которых не принимает поддержки из-за неумения преодолеть гордыню и из-за странного желания справиться со своими проблемами в одиночку, переживает творческий и экзистенциальный кризис, впадает в депрессию и, лишь сняв черную толстовку, обретает гармонию. Те же чувства и жизненные обстоятельства переживались и мной.

М.М. Бахтин считал, что писатель языком художественных образов выражает свое отношение к позиции, установкам, ценностной ориентации своего героя. Образ персонажа передает воплощение писательской концепции и идеи. Герой следует творческой воле писателя, подчиняется ей. Читатель, исследуя внутренний мир персонажа, прикасается и к духовному миру автора, прослеживает творческую волю писателя. Соотнесенность ценностных ориентаций автора и героя составляют основу литературного произведения, позволяют понять его.

Поэтому можно утверждать, что герой в той или иной мере — «отражение» автора, поскольку является его созданием. И одновременно нельзя отрицать, что литературного героя можно считать «особым виртуальным существом», которое в определенной мере живет своей жизнью, отдельной от своего создателя.

Г.А. Гуковский считал, что читатель воспринимает персонажей литературных произведений не только как людей, но и как идейную сущность, для чего важно понять отношение к нему автора.

Вероятно, «особым виртуальным существом» героя назвать можно. Действительно, ведь это некий мысленный образ, наделенный писателем какими-то индивидуализирующими его характеристиками (внешностью, характером, судьбой), которые известны и читателю и воспринимаются им в заданных автором рамках некоего диапазона. Причем этот образ (из-за свойства героя оказывать обратное воздействие) так врезается в восприятие и память читателей, что даже много лет спустя после прочтения какого-либо литературного произведения люди представляют,

например, капитана Немо (Ж. Верн «Двадцать тысяч лье под водой») высоким и красивым задумчивым брюнетом с бородой, благородным, щедрым, гениальным изобретателем, все силы отдавшим борьбе с колониальным гнетом; Овода (Э.Л. Войнич «Овод») — невысоким изящным молодым человеком с синими глазами, обладающим нестигаемой волей, острым языком, добрым сердцем, несмотря на его показной цинизм, отчаянным борцом за независимость Италии. Стоит только назвать имя того или иного персонажа, как перед мысленным взором многих людей тут же встает образ человека с определенной внешностью, характером, системой нравственных ценностей, судьбой, историей, хотя это все не более чем плод воображения автора, «транслируемый» читателю со страниц произведения.

Да, литературные герои — плоды фантазии писателя, но даже так читатель подсознательно воспринимает их как некогда существовавших людей, а значит, можно говорить о литературном герое как об «особом виртуальном существе», хотя такое определение и кажется несколько грубым применительно к миру персонажей, оно скорее подходит к области компьютерных игр.

Теперь насчет того, может ли быть литературный герой именно «бледным отражением автора», поскольку насчет «отражения» был уже получен утвердительный ответ...

Думается, такого быть не может, ибо даже самый «бледный» автор всегда старается превзойти самого себя и прыгнуть выше головы в искусстве. Ибо в противном случае творчество перестает быть творчеством.

Очевидно, отношение писателя к своему персонажу будет эмоционально окрашенным: в любые цвета и оттенки, от горячей симпатии до легкого отвращения, кроме безразличия, поскольку последнее вряд ли может выступать стимулом, почвой и двигателем творческого созидания.

Кроме того, своему герою автор придает не только присущие себе черты и мысли, но и черты других людей, творчески переосмысленные события и поступки людей, лучшие и худшие. Любой герой — отражение не только автора.

Надо еще учесть, что даже в автобиографическом произведении писатель не передает модель или копию своей жизненной истории, он их преобразовывает с помощью искусства. И уж насколько получится «бледной» эта написанная история по сравнению с реально пережитой жизнью, — об этом, видимо, вправе судить только автор.

Неоднозначно суждение, что автор лишь рисует дорогу, а герои идут по ней уже сами. Кажется, это и верно, и нет. Конечно, «автор рисует дорогу» — персонаж следует творческой воле писателя, подчиняется ей.

Но вот «дорога нарисована», герой создан и узнаваем... Однако автор смертен, а им «нарисованная дорога» конечна.

Герой же («особое виртуальное существо») в ряде случаев превращается со временем в «застывшую данность», в значительной мере обособившуюся от автора. Есть множество примеров, когда герои литературных произведений уже после смерти своих авторов «обрели вторую жизнь». Этому особенно способствовали кино и телевидение. Многие авторы при их жизни и представить себе не могли «дороги», по которым будут «путешествовать» их герои. Так, например, английский писатель А. Милн вряд ли предполагал, что «оживленный» им игрушечный медвежонок Винни-Пух обретет практически всемирную славу, станет не только одним из самых знаменитых персонажей детской литературы XX века, но и анимации, доберется даже до далекой России, внешне изменившись до неузнаваемости, но сохранив многие приданные ему автором черты характера.

Итак, я могу подвести итог своим размышлениям и сделать выводы.

Герой литературного произведения, несомненно, «особое виртуальное существо», ведь упоминание его имени вызывает у читателя (поколений читателей) сходные образные ассоциации.

Одновременно герой — «отражение автора», но не «бледное», так как даже в автобиографических произведениях «герой» в любом случае оказывается «обогащен» достижениями автора в творческой и «обычной» жизни. Автор, даже пишущий о себе, анализирует свою

жизнь во времени и пространстве и создает героя и литературный текст, актуальные с точки зрения его нынешней «позиции». Автор развивается, стало быть, становится ярче, поэтому герой не может быть «бледным отражением автора».

Думается, автор сначала «рисует героев», а потом «рисует дорогу», по которой они «пойдут». Возможно, в ряде случаев это происходит спонтанно и одновременно. Это, видимо, бывает при вдохновенном творчестве необычайно талантливого автора.

17-18 главы романа «Отцы и дети»

/.../

На первый взгляд, ничего необычного: Базаров, отвергающий и презирующий любовь и романтику, называющий подобные чувства белибердой, вдруг сам влюбляется в женщину, притом злясь на себя за это. Он кроток в объяснениях, скован в движениях и двусмыслен в словах. Одинцова тянет из него признание в любви, сама еще не разобравшись, нужно оно ей или нет. Базаров, наконец, признается, что «любит глупо и безумно»; преисполненный чувств, он бросается к Одинцовой, но она не отвечает ему взаимностью и говорит, что «он не так ее понял». Базаров, растроганный, уезжает.

Но Тургенев, наделяя сцену незаметными, на первый взгляд, комментариями, уточняя детали происходящего между Базаровым и Одинцовой разговора, включая описание пейзажа за окном, используя технику тайного психологизма, «оживляет» сцену признания, а героев делает загадочными и непредсказуемыми.

И перечитывая эпизод второй раз, мы уже сразу задаемся вопросами: отчего Базаров ломается, почему не может признаться сразу? Почему сцена объяснения происходит ночью? Зачем Одинцовой потребовалось открыть окно и что происходит с Базаровым в этот момент? Любит ли Одинцова Базарова по-настоящему?

Присмотримся к тому, как происходит объяснение между героями.

Итак, Одинцова, оставшись наедине с Базаровым в одной комнате, начинает разговор о его отъезде. Разговор протекает достаточно напряженно, создается впечатление, что оба собеседника что-то не договаривают и что им будто не хватает свободы, чтобы высказаться. «Одинцова помолчала», «Евгений Васильевич, что же вы молчите?». И вдруг Одинцова разбивает их разговор внезапной просьбой открыть окно: «Отворите это окно... мне что-то душно.

Базаров встал и толкнул окно. Оно разом со стуком распахнулось... Он не ожидал, что оно так легко отворялось; притом его руки дрожали». Окно в этой сцене – очень важная деталь; кажется, оно отделяет не только комнату от прекрасного ночного сада - оно словно преграда для чувств Базарова, своеобразный портал в его иную, глубокую внутреннюю жизнь: «Он не ожидал, что оно так легко отворялось...», - Базаров не ожидал, что романтические чувства могут вспыхнуть в нем так же легко, «разом». Притом он боится этого чувства: «руки его дрожали». Для Одинцовой же закрытое окно – нечто другое: ей «душно» с Базаровым-нигилистом в одной комнате, ей не хватает воздуха, чувства свободы между ними, она с ним будто в вакууме или в запертой клетке...

Далее Тургенев добавляет небольшое описание ночного пейзажа за окном: «Темная, мягкая ночь глянула в комнату с своим почти черным небом, слабо шумевшими деревьями и свежим запахом вольного чистого воздуха». Автор связывает этот пейзаж непосредственно с чувствами Базарова. Тургенев дает понять, что настроение Базарова становится романтическим: «темная, мягкая ночь», «слабо шумевшие деревья». Базаров, отрицавший романтическое отношение к природе, открыв окно, словно выпускает вместе с «вольным чистым воздухом» свои чувства, свои *романтические* чувства, которые до этого всю жизнь презирал и осквернял.

После того, как просьба Одинцовой исполнена, она просит рассказать его «что-нибудь о самом себе». Важно понимать, что она хочет узнать о Базарове больше, потому что он ей интересен, но она знает, что он скрытен, поэтому просьба открыть окно - первый шаг со стороны Одинцовой, попытка заглянуть Базарову в душу. Она хочет, чтобы барьер, который их разделяет, - нигилизм Базарова - ушел, не мешал, и она смогла бы почувствовать себя с ним свободней.

Но дальше Базаров так и не может оставить свою манеру говорить загадками, хотя Одинцова всеми силами пытается вытянуть из него хоть какую-то информацию. Собеседники как будто разгадывают загадки друг друга, а точнее, друг в друге. «Сквозь изредка колыхавшуюся стору вливалась раздражительная

свежесть ночи, слышалось ее таинственное шептание. Одинцова не шевелилась ни одним членом, но тайное волнение охватывало ее понемногу... Оно сообщилось Базарову. Он вдруг почувствовал себя наедине с молодой, прекрасною женщиной». Одинцова пытается узнать, что Базаров думает о ней: «Итак, вы считаете меня спокойным, изнеженным, избалованным существом, - продолжала она тем же голосом, не спуская глаз с окна». Она говорит, «не спуская глаз с окна», будто всматриваясь в душу Базарова, ведь то, что за окном, вся та романтика, которая и его уже охватила, полностью раскрывает Базарова. Описанная автором природа за окном в данный момент показана такой, какой видит ее Базаров, эта романтика его раздражает, но вместе с этим, не оставляет равнодушным, поэтому автор замечает, что природа ему что-то «таинственно шепчет»...

Одинцова, встречаясь взглядом с Базаровым, краснеет, но при этом говорит: «Позади меня уже так много воспоминаний: жизнь в Петербурге, богатство, потом бедность... воспоминаний много, а вспомнить нечего, *и впереди передо мной – длинная, длинная дорога, а цели нет... Мне и не хочется идти*». Важно, что она говорит это Базарову непосредственно в глаза. Она не видит в *нем* цели, у нее нет потребности быть с *ним*.

Сама Одинцова поймет это позже, но сейчас ее мысли точно передает нам Тургенев. Важно сейчас увидеть то, что на самом-то деле Одинцову вовсе не поглощают романтические чувства, похожие на чувства Базарова, ей «хочется полюбить, а полюбить она не может».

И Базаров сразу подмечает это. Он будто видит ее насквозь, как врач сразу угадывает, что с его пациентом: «Ты кокетничаешь, - подумал он, - ты скучаешь и дразнишь меня от нечего делать, а мне...».

Многоточием обрывается фраза Базарова. «...А мне действительно больно...» - возможно, хотел написать автор, ведь дальше он пишет: «Сердце у него действительно так и рвалось».

Было ли раньше Базарову *так* больно или *так* неприятно? Нет. До появления Одинцовой в его жизни ничего подобного он не испытывал.

Ночной разговор Базарова и Одинцовой прерывают доносящиеся из гостиной звуки фортепьяно. Базаров так и не открылся Одинцовой. Исполненный романтических чувств, он все же оставался прежним нигилистом и понимал, что признание в любви темной тихой ночью перейдет уже все границы, а он и так уже достаточно дал слабинку.

Глава 18 является, по сути, продолжением сцены объяснения Базарова.

Тургеневу важно было разделить ее на две части, чтобы дать понять читателю, что, даже если Базаров начал обнаруживать в себе романтические движения, он никогда не «опустился» бы до такой степени романтизма, чтобы признаться в любви ночью, как делают все романтики. Базаров и на следующий день всеми способами пытается доказать, что вчерашний разговор он близко не принял и вообще забыл: «Но о чем бишь беседовали мы вчера с вами?», однако он четко помнит, что Одинцова вчера говорила: «притом вы же сами сказали вчера, что вы не удовлетворены».

Одинцова снова «тащит клещами» правду из Базарова: Тургенев подчеркивает в ее движениях нетерпение: «Анна Сергеевна сделала нетерпеливое движение». Она становится раздражительной и уже напрямую спрашивает его, что в нем «происходит»: «Я уверена, что ваша эта, как бы сказать, ваша напряженность, сдержанность исчезнет наконец?» И Базаров встает и подходит к окну. В начале главы Тургенев вставляет фразу: «С утра погода стояла дождливая, не было возможности гулять». Как мы помним, погода за окном раскрывает нам Базарова изнутри. Дождь за окном – сплин, тоска на душе Базарова. Одинцова уже не просит его открыть окно, но он сам, подойдя к окну, а позже, прислонившись к нему лбом, решается открыться ей: «Так знайте же, что я люблю вас, глупо, безумно... Вот чего вы добились».

Базаров сказал заветные слова. «Он задыхался; все тело его, видимо, трепетало. Но это было не трепетание юношеской робости, не сладкий ужас первого признания овладел им: это страсть в нем билась, сильная и тяжелая – страсть, похожая на злобу и, может быть, сродни ей...». Признание Базарова похоже на ворвавшийся в комнату

порывистый ветер. Его страсть - стихия: сначала черная, шепчущая ночь, потом долгожданный дождь. Душная ночь предвещает дождь – дождь из эмоций, который должен пролиться на следующий день. Базаров говорит отрывисто, кротно, словно ветер колышет деревья.

«Он быстро обернулся, бросил на нее пожирающий взор – и, схватив ее обе руки, внезапно привлек ее к себе на грудь. Она не тотчас освободилась из его объятий; но мгновенье спустя она уже стояла далеко в углу и глядела оттуда на Базарова. Он рванул к ней...».

Одинцова напоминает закрытую в клетке жертву, оказавшуюся наедине с разъяренным тигром. «Пожирающий взор», «зверское лицо» Базарова, его крепкая хватка в данный момент выдают в нем глубинное природное чувство – почти зверя. Им руководит страсть. Страсть настоящая, живая, яростная, страшная, - «похожая на злобу, сродни ей».

Он злится и на эту страсть, и на себя, но на пике этой страсти, в самом ее эпицентре, он готов забыться, творить дикие вещи, готов целовать Анну Сергеевну, напасть на нее: «Казалось, шагни он еще раз, она бы вскрикнула... Базаров закусил губы и вышел».

Но какой бы страстной и интимной не казалась сцена, барьер между твердо мыслящим нигилистом и аристократкой так и не преодолен: «Я вас не понимала – вы меня не поняли», - пишет Одинцова Базарову.

Таков Базаров. Из принципа сводящий любовь к физиологии, он должен был испытать настоящее чувство любви на себе.

Тургенев не дает никаких подробностей прошлой жизни Базарова, в то время как мы знаем любовные истории Павла Петровича, Николая Кирсанова, Одинцовой. Базаров, живший всю прошлую жизнь с лягушками, книгами по биологии и своими односторонними взглядами на жизнь, вдруг встречает женщину, с которой не может спокойно сидеть в гостиной, пить чай или обсуждать «дрянь аристократишек». Женщину, из-за которой в голове его что-то кардинально меняется, как по щелчку пальцев: в голову лезут романтические мысли, прежние взгляды теряют смысл, и с ним что-то происходит, «точно он государство какое». Базаров

ясно понимает безответность своих чувств, он теряет уверенность в себе, приходит к новым и очень мрачным мыслям о жизни, противоречащим его прежним утверждениям.

Тургенев находит и показывает изъян в теории Базарова. Ни один даже самый настоящий нигилист не устоит перед таким всепоглощающим чувством, как любовь. Таков нигилист на «rendez-vous», как писал Чернышевский.

ИТОГОВОЕ СОЧИНЕНИЕ – Plus Ultra

Уже несколько лет всем одиннадцатиклассникам нашей страны в декабре, перед самым новым годом, нужно писать «итоговое» сочинение. Отношение к этому странному экзамену очень разное. Для кого-то это формальность, которая не заслуживает серьезного внимания и душевных усилий: написал по шаблону, сдал и забыл. Для кого-то это возможность заработать дополнительные баллы к ЕГЭ, поэтому очень важно написать в соответствии с объявленными заранее критериями проверки. Но всегда есть люди, которые любое дело стремятся выполнить красиво и поэтому делятся в сочинениях своими наблюдениями и оригинальными мыслями, пишут не для членов экзаменационной комиссии, а для заинтересованного, внимательного читателя, который всерьез хочет найти ответ на поставленный в начале сочинения вопрос. Именно для таких читателей мы помещаем в альманахе сочинение Кирилла Васильева.

Кирилл Васильев

Москва, школа № 1514

**Как вы понимаете известное утверждение,
что главное поле битвы добра и зла – сердце человека?**

В этой работе я постараюсь интерпретировать приведенный выше тезис, поможет мне в этом разбор основных типов этических систем, на аксиоматику которых я попробую наложить нужное нам утверждение.

Первое, с чего стоит начать разговоры об этике, – «гильотина Юма». Этот принцип гласит, что должностное не может следовать из факта. Таким образом сфера морали полностью отделяется

от сферы фактов, это означает тщетность попыток обосновать превосходство одной этической системы над другой, правда, вместе с этим такие истины уравниваются в правах (представления о добре и зле зависят от той или иной этической концепции, выбираемой человеком). На данный момент выделяется в основном три вида этических систем. Каждый вид мы разберем и проиллюстрируем, а заодно посмотрим, к какому из них подойдет интересующий нас тезис.

Открывает наш список консеквенциалистская этика. Как можно догадаться из этимологии, эту этическую концепцию в первую очередь интересуют последствия, результат поступка. В мире философии ее последователями являются Иеремия Бентам (с его утилитаристским принципом обеспечить максимальное счастье наибольшему количеству людей), Никколо Макиавелли (в своем трактате «Государь» он оправдывает любые преступления, которые тем не менее ведут к процветанию государства), Питер Сингер (утилитарист, один из современных представителей этого течения) и другие. В литературной же традиции к этой концепции относятся скорее с отвращением. Достаточно вспомнить роман Федора Достоевского «Братья Карамазовы», где Иван Карамазов замечает, что вся гармония мира не стоит слезинки ребенка (очевидная критика утилитаризма). Конечно, интересующий нас тезис не может быть частью этой концепции, ведь в ней во главу угла ставится вовсе не диалектика сердечных переживаний, а последствия поступка.

Следующей в нашем списке идет деонтология, или этика долга. Она обращает внимание на сам поступок, а не на его мотив или последствия. Одним из главных последователей этой концепции является Иммануил Кант с его категорическим императивом, гласящим, что человек должен поступать так, чтобы максима его воли могла иметь форму всеобщего законодательства. Таким образом, доброта поступка зависит от его соответствия долгу, который устанавливает для себя практический разум. Иллюстрацией деонтологической модели поведения послужит жизненный путь Неда Старка (персонажа знаменитого сериала «Игра престолов»). Это был человек, всегда державший обещания, верный своему

долгу даже перед лицом смерти. Поскольку в рамках деонтологии человек руководствуется не чувствами (зачастую даже подавляя их), а рациональной установкой, то и сюда нужный нам тезис вписаться не может.

Завершает же наш список этика добродетели, или аретология. Эта концепция ставит во главу угла то, какими добродетелями (качествами души) мотивировался человек при совершении поступка. Одной из основных и древнейших теоретических баз этой системы является «Этика» Аристотеля. Наиболее наглядно аретология отражена в рассказе Леонида Андреева «Иуда Искарот» на базе евангельской истории. Предательство Иуды в этом рассказе мотивировалось любовью к Иисусу Христу, по существу, это даже не было предательством (если размышлять в рамках аретологии). Я считаю, что тезис о том, что сердце человека – главное поле битвы добра и зла, принадлежит именно этой концепции. Только аксиоматика этики добродетели уделяет столь особое внимание чувственной мотивации личности.

Вот и пора подводить итог моей работы. Утверждение «поле битвы добра и зла – сердце человека» я понимаю через призму аретологической аксиоматики. В самом деле, именно в этой этической системе оценка поступка зависит от того, какое душевное качество (плохое или хорошее) победило в его сердце и побудило его совершить тот или иной поступок.

Для связи

В 2020 году Гильдия словесников планирует выпустить еще один номер «Литтературного альманаха». Мы будем рады, если наши читатели поделятся своими впечатлениями от произведений, опубликованных в первом и втором номерах, а также пришлют замечания, которые обязательно будут учтены при подготовке следующих выпусков. Мы надеемся, что в очередных номерах появится раздел рецензий: авторам очень важно увидеть, как воспринимаются их тексты.

В основном третий и четвертый номера уже сформированы, но мы продолжаем принимать стихи, рассказы и статьи в надежде на интересные тексты, для которых всегда найдется место.

Уважаемые учителя, если рубрика «Итоговое сочинение – plus ultra» вам показалась интересной и у ваших учеников есть работы, которые заслуживают не только формальной оценки, но и вдумчивого прочтения, мы продолжим публиковать интересные сочинения в следующих номерах. Присылайте!

Наш адрес - almanah@slovesnik.org.

Рецензенты -
А.П. Власова-Мрдюляш,
Н.А. Ладохина,
А.А. Скулачев.

Составитель - Б.А. Панов.